

ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

© 2018 г. И. Цапенко

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (tsapenko@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 02.04.2018.

В условиях трансформаций современного мира меняется формат глобальных миграций населения. Этот процесс проявляется в замедлении роста долгосрочных перемещений, усиливающейся предпочтительности менее продолжительной и циркуляционной миграции, повышении немиграционной активности населения, распространении гибридных и незавершенных паттернов мобильности, регионализации и возрастании роли Юга в людских передвижениях, умножении разнообразия миграционных потоков и сообществ и др. Новые реалии в свою очередь требуют реформирования статистического учета и регулирования трансграничных миграций.

Ключевые слова: миграция населения, территориальная мобильность, поселение, циркуляция людских потоков, долгосрочные и краткосрочные мигранты, глобализация, регионализация, разнообразие приезжего населения, переменчивость людских потоков, интеграция мигрантов.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76

Согласно концепциям пространственно-временного развития миграционных процессов (предложенным американским географом В. Зелинским, европейскими социологами Р. Скелдоном, Х. Хаасом и др.) по мере демографической и социально-экономической модернизации общества осуществляется миграционный переход: возрастает территориальная мобильность населения, преобразуются ее природа, виды и направленность. Подобный теоретический конструкт – в силу его обращенности преимущественно к социально-экономической детерминации миграционных процессов, в силу представления их с позиции западочентризма как последовательной смены определенного набора стадий – не может служить универсальным аналитическим инструментом. Тем не менее эти ограничения не умаляют главной ценности предложенного конструкта, заключающейся в системном видении миграционных трансформаций.

Такой подход помогает составить более упорядоченную, целостную картину современных изменений в трансграничных перемещениях населения, расцениваемых некоторыми миграциологами как возникновение “новой миграции” [1, р. 102; 2, р. 116], или “новой мобильности” [3, р. 232]. Рассмотрение совокупности сдвигов в географии, динамике, составе и формах миграции в более широком (выходящем за рамки теории модернизации) контексте общественных перемен побуждает интерпретировать эти сдвиги как начинающуюся трансформацию глобальной модели людских передвижений. Как же преобразуются паттерны миграций при вхождении полицентричного и

одновременно транснационального и все более коннективного (связанного) мира в период переформатирования глобализации, экономической турбулентности и неопределенности, нарастания общественно-политической конфликтности и утверждения постмодерных социальных ценностей и установок? Какие вызовы несут обществу и политике государства происходящие перемены?

ЧТО ТАКОЕ “МИГРАЦИЯ”? ЧТО ТАКОЕ “МОБИЛЬНОСТЬ”?

Несмотря на обильный поток публикаций, посвященных трансграничной миграции и мобильности населения, до сих пор нет их общепринятых определений. Что в свою очередь обирачивается разноцветием представлений о развитии этих процессов.

Часто оба термина употребляются как синонимы. Однако они нетождественны. “Территориальная (пространственная, географическая) мобильность” представляется широким зонтичным понятием, вбирающим в себя весь комплекс передвижений людей: во-первых, миграционную активность, или собственно миграцию в строгом, узком смысле слова; во-вторых, – немиграционную подвижность населения.

Основными критериями разделения людей, перемещающихся в другие государства, на мигрантов и немигрантов выступают продолжительность и цели таких передвижений. Согласно рекомендациям ООН 1998 г. по ведению статистики международной миграции населения характерным признаком последней служит

смена страны обычного проживания. Переезжающие в другую страну ради работы, учебы, в поисках убежища и т.п. на срок более года считаются долгосрочными мигрантами, на период от трех месяцев до года – краткосрочными. Непродолжительные поездки для отдыха, развлечений, посещения друзей и родственников, по делам бизнеса, для лечения и религиозного паломничества не предполагают смены страны обычного проживания и, соответственно, не относятся к миграциям [4, р. 22], а совершающие такие передвижения лица считаются путешественниками или посетителями

При этом все чаще предпринимаются попытки сузить значение понятия “миграция” или вывести его из научного оборота. Недавняя инструкция ООН по измерению миграции предлагает изменить дефиницию международных мигрантов, ограничив их круг лицами, находящимися более года за пределами страны обычного проживания, мотивируя это статистическими соображениями [5, р. 9]. Американский антрополог Дж. Кохен и британский политолог И. Сиркеджи призывают и вовсе заменить слова “миграция” и “мигранты” терминами “мобильность” и “лица, совершающие переезды” (*movers*) [6]. В этом отчасти есть резон: в политическом дискурсе и массовом сознании миграция и мигранты нередко ассоциируются с терроризмом и преступностью, разрушением привычного социокультурного уклада, ростом конкуренции в сферах занятости и социальных услуг и т.п. Кроме того, понятие и статистика международных мигрантов, разработанные ООН еще в прошлом веке, не учитывают характерные для нынешнего этапа множественные, то есть повторные, или циркуляционные, перемещения населения. Не отражаются также степень завершенности и транснациональный характер таких передвижений, время отсутствия мигранта на родине, количество стран, где он проживал, и т.п. [6]

В этом плане термин “мобильность” чисто теоретически гораздо лучше отражает современную природу, динамизм и изменчивость современных людских потоков. Однако с практической точки зрения предлагаемые терминологические реформы представляются преждевременными, так как вступают в противоречие с существующей системой нормативных актов, регулирующих положение трудящихся мигрантов (*migrant workers*), значительная и все увеличивающаяся часть которых выезжает на временную, в том числе сезонную, работу. Вместе с тем подобные инициативы указывают на необходимость совершенствовать понятийный аппарат миграции и мобильности и налаживать адекватный статистический учет лиц, совершающих краткосрочные переезды.

ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА ДОЛГОСРОЧНОЙ МИГРАЦИИ

Наше время называют “веком миграции” [7]. Существует множество теорий (включая даже дискуссионные аналогии с биофизическими закономерностями осмоса), выделяющих разные причины и условия, которые содействуют росту территориальной мобильности населения и масштабов его передвижений. Среди современных детерминант и обстоятельств этих процессов – вступление глобализации экономики в новый, регионализационный этап ее эволюции, прогресс средств транспорта и ИКТ, способствующие нарастанию конкурентности сегодняшнего мира, формирование новых центров мирового развития и миграционной гравитации. К числу таких факторов относятся также усиление мировых социально-экономических дисбалансов, повышение общественно-политической конфликтности, трансформация институтов семьи, рынка труда, сообщества и национального государства и др. При этом увеличивающаяся миграционная взаимозависимость трудоизбыточных стран и трудонедостаточных государств (с неудовлетворенным спросом на определенные категории работников, например социальных и медицинских, как низкой, так и высокой квалификации) выступает в качестве главной закономерности миграционного движения рабочей силы. А по сути – и большинства категорий населения. В движение вовлечены практически все страны и территории мира: в качестве стран исхода, транзита или приема мигрантов, а нередко одновременно в разных качествах.

Под действием указанных сил и условий в последние полвека накопленная мировая численность международных мигрантов (*international migrant stock*), когда-либо покинувших страну происхождения и проживавших за ее пределами не менее года, неуклонно росла и в 2017 г. превысила четверть миллиарда (рис. 1). Учитывая устойчивый характер экономической и демографической асимметрии мирового развития, в ближайшие десятилетия ожидаемо дальнейшее умножение численности мигрантов. Международная организация по миграции (МОМ) прогнозирует, что к 2050 г. она может достичь 321 млн (при сохранении нынешней доли мигрантов в населении) [8, р. 2].

Данные о росте таких “запасов” выходцев из других стран создают впечатление постоянно повышающейся миграционной активности населения. Однако если сравним не абсолютные цифры, а темпы прироста численности приезжих, то увидим, что в 10-е годы волна быстрого увеличения последних пошла на спад. Темпы их прироста почти повсеместно замедляются: в мире в целом и большинстве

Рис. 1. Динамика численности международных мигрантов, 1990–2017 гг.

Составлено по: [9].

его регионов, кроме Африки (2010–2015 гг.) и Европы (2015–2017 гг.), оказавшихся в эти годы в эпицентре потоков беженцев (табл. 1).

Анализируя изменения в миграционной динамике, британский и голландский исследователи М. Чайка и Х. Хаас задаются вопросом: “Стал ли мир более миграционным?” [10]. Ведь сильный общественный резонанс современных миграционных процессов, и в частности недавнего кризиса беженства в Европе, побуждает людей считать именно так. Однако доля мигрантов среди населения почти не растет (рис. 1). Это значит, что укрупнение их когорт идет преимущественно за счет умножения жителей планеты. Кроме того, втянута в миграционный оборот лишь небольшая часть землян (3%), что свидетельствует о миграционной неподвижности их абсолютного большинства (97%). «Для них (людей, не вовлеченных в перемещения. — И.Ц.) “век миграции” стал “веком вынужденной имобильности”» [11, р. 6]. Подобный “парадокс имобильности” [11, р. 5], существующий вопреки сильно действующим факторам притяжения и выталкивания, отражает в свою очередь не только отсутствие у людей, прежде всего в развивающихся регионах, фи-

нансовых и прочих возможностей для дальнего переезда. Он в большой мере объясняется высокими антииммиграционными кордонами на пути перемещений населения. Соответственно, глобализация миграции, предполагающая в конечном итоге открытость границ, похоже, весьма далека от своего апогея и носит в развивающихся регионах запаздывающий и деформированный характер. Более того, миграционный протекционизм Севера против Юга еще более усиливается развитием деглобализационных тенденций, о котором свидетельствуют инициированные Д. Трампом выход США из Транстихоокеанского партнерства, торговые войны и т.п.

Исключение составляют сохраняющиеся интеграционные зоны свободной или почти свободной миграции граждан входящих в них государств, в первую очередь в Европе. Притом что в 2017 г., по данным ООН, на глобальном Севере удельный показатель численности приезжих составил 12%, в Швеции он достиг 18, Австрии — 19, а Швейцарии — 30% [9]. Однако близость уровня социально-экономического развития подобных государств снижает мотивацию их жителей к переселению.

Хотя оценки численности мигрантов и их доли в населении мира, осуществленные разными авторами и организациями или же одними и теми организациями, но в разное время, не совпадают, — полученные результаты улавливают не только очень медленный, но и нелинейный характер роста удельной численности приезжих, прерываемого ее падениями в отдельные периоды. Так, согласно последним оценкам Отдела народонаселения ООН, в нынешнем столетии в Западной Африке и Южной Азии продолжается снижение доли проживающих там иммигрантов среди населения. Это означает отставание динамики умножения приезжих от динамики роста населения, что может указывать не только на деформиро-

Таблица 1. Среднегодовые темпы прироста численности международных мигрантов, %

	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010	2010–2015	2015–2017
Мир в целом	1.0	1.4	2.0	2.9	2.4	2.0
Развитые регионы ¹	2.3	2.3	2.3	2.3	1.4	2.0
Развивающиеся регионы ¹	-0.5	0.2	1.4	3.7	3.7	2.0
Африка	0.8	-2.0	0.9	1.9	6.4	2.5
Азия	-0.7	1.2	1.6	4.3	3.0	1.9
Европа	1.4	1.3	2.3	2.3	1.0	2.2
Латинская Америка	-1.4	-0.3	1.9	2.6	2.3	1.3
Северная Америка	3.8	3.8	2.3	2.3	1.8	1.7
Океания	1.2	1.3	2.3	3.4	2.4	2.2

¹ Согласно классификации ООН к развитым регионам относятся страны Северной Америки и Европы, а также Австралия, Новая Зеландия и Япония, к развивающимся — все остальные государства.

Источник: [9].

ванный, асимметричный характер глобализации [10, р. 283], но и, учитывая одновременно происходящее там сокращение удельного веса эмигрантов в населении этих территорий, — на возможные тенденции к миграционной деглобализации указанных регионов.

Сотрудник шанхайского и венского демографических центров Г. Абель на основе разработанной им методики оценки объема миграционных потоков (*migration flows*) за 1965–2015 гг. приходит к выводу: в абсолютном выражении размеры людских перемещений, суммированные по пятилетиям, значительно колебались, демонстрируя при этом тенденцию к росту. Тем не менее в 2010–2015 гг. объем потоков был наименьшим в нынешнем столетии. В десятые годы, в частности, сократились передвижения из Латинской Америки и Азии в Южную Европу, Северную Америку и страны Персидского залива, что не компенсировалось всеми другими интенсифицировавшимися перемещениями, в том числе лиц, покинувших Сирию и Ирак в поисках убежища. А по отношению к мировой численности населения людские потоки были сравнительно стабильны при крайне малых значениях (в среднем всего 0.65% за пятилетие, или 0.13% в год), однако в 2010–2015 гг. они уменьшились до самого низкого уровня за полувековой период [12].

Данная тенденция отражает не только непосредственные последствия глобальной рецессии и порожденную ею новую нормальность с медленным и неустойчивым ростом экономики. Она преломляет и стимулированные кризисом структурные сдвиги в становящемся все менее трудоемким и менее нуждающемся в приезжей рабочей силе хозяйственном комплексе.

Подобное осязаемое сужение потоков в 2010–2015 гг. контрастирует с выводом докладов ООН, Всемирного банка и МОМ о высшем, кульминационном уровне современной миграции по сравнению с показателями предыдущих лет. Однако оно не противоречит этому выводу, основанному на данных о пике накопленной численности мигрантов. Ведь численность приезжих растет за счет позитивной нетто-миграции, которая может иметь место как при прибавляющихся, так и скудеющих новых потоках.

Хотя происходящий спад в миграционной активности может оказаться лишь чисто временным явлением, наблюдавшимся и в отдаленном прошлом, а не долгосрочным процессом, сигнализирующим о затухающей динамике глобализации миграционных процессов, демографический прогноз ООН 2017 г. рисует перспективы замедленного роста численности приезжих. Он указывает на предстоящее сжа-

тие объема нетто-миграции в развитые регионы: ее коэффициент снизится с 2.7 человек на тысячу жителей в нулевые годы до 1.9 в десятые годы и до 1.8 в 2020–2050 гг. Показатель миграционного притока в Европу уменьшится с 2.4 до 1.4 и 1.2, в Северную Америку — с 3.9 до 3.2 и 2.8 соответственно [13]. Слабеющий прирост “новоселов” может вызвать подвижки в составе диаспор в пользу второго и последующих поколений мигрантов и к увеличению доли более интегрированных представителей инокультурных сообществ. Но одновременно — и более фрустрированных, сравнивающих себя с местными жителями, а не с оставшимися на родине соотечественниками. Это в свою очередь потребует усиления внимания властей к интеграционным мерам в отношении потомков уроженцев иных государств.

Таким образом, абсолютные масштабы долгосрочных людских перемещений продолжают расширяться. Однако этот процесс развивается не повсеместно и нелинейно, воспроизводя территориальную неравномерность глобализации. Миграционная динамика в мире в целом и в развитых регионах в частности, похоже, вступает в период замедления, напоминая начавшую затухать волну. Вероятно, роль долгосрочной миграции в передвижениях населения будет сокращаться, компенсируясь интенсификацией других видов пространственной мобильности.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ВОЗРАСТАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ РОЛИ ЮГА

Традиционно считается, что главная магистраль миграционного движения направлена с экономически менее развитого Юга, быстро наращивающего население, особенно его молодежную когорту в Африке, — на более развитый Север, переживающий демографическое старение и вступающий в полосу депопуляции. Действительно, так было в нулевые годы. Однако во втором десятилетии при сохранении за развитыми регионами прежней роли основного миграционного магнита в глобальном масштабе и ареала концентрации наибольшего и все растущего числа приезжих со всего мира происходит масштабный переключатель географии людских потоков, сопровождаемый их диверсификацией.

С утверждением полицентричности мира и переформатированием глобализации, с возникновением целого ряда крупных очагов беженства возрастает роль стран Юга в перемещениях населения. В этом столетии развивающиеся страны стали опережать развитые по темпам роста численности приезжих (табл. 1). По данным ООН, за 2000–2017 гг. доля разви-

вающихся государств как реципиентов международных мигрантов возросла с 40 до 43% мировой численности последних, как доноров – с 67 до 72% соответственно [14, р. 1].

Как показывают расчеты Института ЕС по изучению проблем безопасности (*The European Union Institute for Security Studies*), современные миграционные перемещения между странами Юга более многолюдны и динамичны, чем передвижения с Юга на Север¹. Более того, под воздействием глобальной рецессии не только сузились потоки с Юга на Север, но и возникло интенсивное обратное течение².

В результате указанных сдвигов в 2017 г. число уроженцев Юга, проживавших в этой же части мира за пределами стран происхождения (97 млн), превышало их когорты на Севере (89 млн) (рис. 2). Азия стала самым крупным континентом приема мигрантов (80 млн), опередив Европу (78 млн) и Северную Америку (58 млн). А ошутимее всего в нынешнем столетии увеличилась численность мигрантов в Африке – на 67% [14, р. 1].

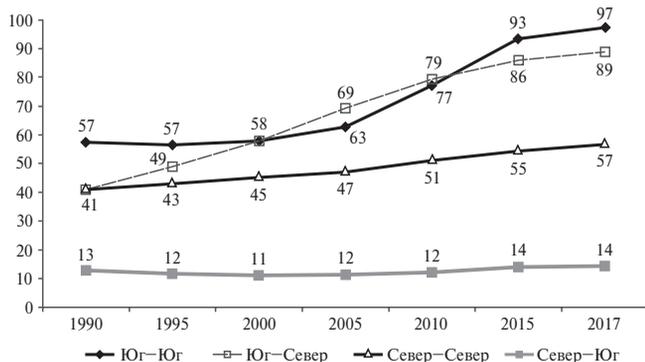

Рис. 2. Численность международных мигрантов по макрорегионам происхождения и назначения, 1990–2017 гг., млн человек

Рассчитано и составлено по: [9].

Повышение роли Юга в международных перемещениях населения происходит в условиях их регионализации и мегарегионализации, то есть их усиливающейся ориентации на страны, расположенные в том же или соседнем регионе. По оценкам Института МакКинзи, на долю та-

¹ В 1991–1995 гг. в потоки между странами Юга были вовлечены 16.3 млн человек, а с Юга на Север – 14.6 млн, в 2011–2015 гг. – 17.2 и 13 млн соответственно, то есть первые стали обильнее, а вторые оскудели [15, р. 1].

² Если в 1995–2000 гг. нетто-миграция из Мексики в США составила 2.26 млн человек, то в 2005–2010 гг. сальдо движения между этими странами сменилось отрицательным для США в 20 тыс. человек, а за 2009–2014 гг. – в 140 тыс. [16].

ких потоков приходится более 60% всех трансграничных передвижений в мире [17, р. 2].

Современная регионализация вписывается в разработанную А. Портесом, Д. Мэсси и др. теорию международных миграционных систем, которые предполагают относительно масштабные и устойчивые миграционные связи между группами стран, зачастую территориально близкими. Эти связи сформировались и формируются под действием исторических, культурных, политических, экономических и демографических факторов. Данный процесс разворачивается как в развитой части мира, в первую очередь в Европе, так и в развивающемся ареале, но в последнем, особенно в Азии и Африке, идет наиболее интенсивно. В Азии, Европе и Африке насчитывается в абсолютном выражении больше всего международных мигрантов, родившихся на том же континенте. Близкую картину почти зеркально воспроизводят и относительные показатели (рис. 3).

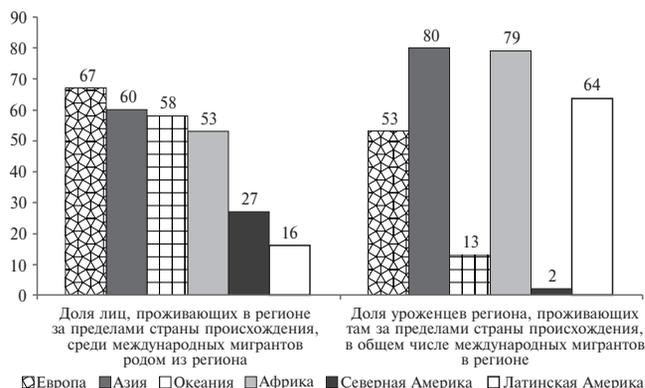

Рис. 3. Уровень регионализации миграционных потоков, 2017 г., %

Составлено и рассчитано по: [18, р. 2].

Усилению регионализации миграции на Севере способствовали расширение ЕС и активизация свободной миграции на территории объединения. Кроме того, из-за снижения спроса на иностранную рабочую силу, обострения этнокультурных и политических проблем, роста террористических и криминальных угроз, усиленных недавним кризисом беженства, развитые страны, как отмечалось выше, ограничивают прием мигрантов с Юга, преграждая им путь в буквальном смысле стенами из железной проволоки, как это, например, делают, подражая американцам, Венгрия, Австрия, Словения, а также Болгария. Подобный протекционистский ответ на негативные последствия глобализации придает регионализму на развитых территориях мира оборотительный характер. В то же время, вероятно,

подобное сдерживание натиска глобализации – лишь “промежуточная остановка” на пути к дальнейшему развитию этого процесса [19, с. 765].

Укрупнение потоков, циркулирующих в рамках регионов и макрорегионов, сопровождается формированием на Севере целой группы крупных доноров эмигрантов. Из 20 стран мира, имевших в 2017 г. наиболее многочисленные диаспоры, семь находились в Европе – Россия, Украина, Великобритания, Польша, Германия, Румыния и Италия (рис. 4)³.

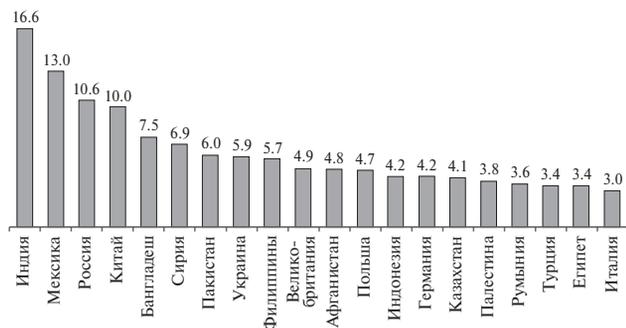

Рис. 4. Страны и территории с наибольшим числом эмигрантов (млн человек), проживающих за рубежом, 2017 г.

Составлено по: [21, р. 13].

Нарастающий и зачастую уже крупномасштабный отток населения из высокоразвитых ареалов, которые находятся на завершающих стадиях миграционного перехода и сталкиваются с вызовами депопуляции, не укладывается в рамки концепций этого перехода. В том числе его современных интерпретаций, допускающих лишь большую эмиграцию в пик перехода (по сравнению с допереходным состоянием) или же ее попятное усиление из какого-либо государства, обусловленное ухудшением его экономических позиций относительно других стран.

Рост миграции между ареалами Севера и превращение их части в активных доноров населения имеет для развитых территорий неоднозначные последствия, в том числе для интеграции мигрантов. С одной стороны, отток отсюда коренных жителей, усугубляющий естественное сокращение их численности, способствует при массовой инокультурной иммиграции с Юга замещению автохтонов трудно инкорпорируемыми “новоселами”. С другой стороны, учитывая направленность подавля-

³ Высокой численностью экспатриантов на Западе также выделяются США, Португалия и Франция (более 2 млн) и Канада (более 1 млн). А наиболее высокий уровень эмиграции среди населения старше 15 лет в развитой части мира демонстрируют Ирландия (21%) и Новая Зеландия (20%) [20, р. 179].

ющей части потоков из государств Севера на страны той же части мира, в принимающих обществах увеличиваются когорты более близких в этническом, культурном и социальном отношении и более легко интегрируемых приезжих. Чтобы еще более ускорить и упростить адаптационный процесс, в ЕС планируется разработать специальные меры, адресуемые мигрантам из стран-участниц.

Интенсивные людские перемещения между странами Юга обусловлены социально-экономическим прогрессом последних, упрочением экономических и политических позиций в условиях нового миропорядка (что соответствует теории миграционного перехода), а также активизацией народнохозяйственных связей между ними, развитием действующих объединений и появлением новых интеграционных платформ. Подобные передвижения населения подталкиваются его быстрым ростом в Африке и многих странах Азии, обостряющим там проблему безработицы, особенно молодежной, усилением социально-политической нестабильности и др. Такие потоки стимулируются и растущей “негостеприимностью” стран Севера с середины нулевых.

В результате на глобальном Юге выделяется целый ряд крупных центров притяжения иностранных работников и других категорий населения (включая беженцев). Прежде всего это нефтедобывающий ареал Ближнего Востока и Персидского залива (арабские страны которого отличаются самыми высокими в мире, превышающими 70% показателями доли иностранцев в населении и рабочей силе), Азиатско-Тихоокеанский регион, более богатые страны Африки к югу от Сахары, а также государства Латинской Америки.

В 2017 г. в двадцатку крупнейших мировых реципиентов мигрантов входили девять азиатских стран и одна африканская (рис. 5).

Регионализация миграции на Юге представляется конструктивной реакцией на торможение

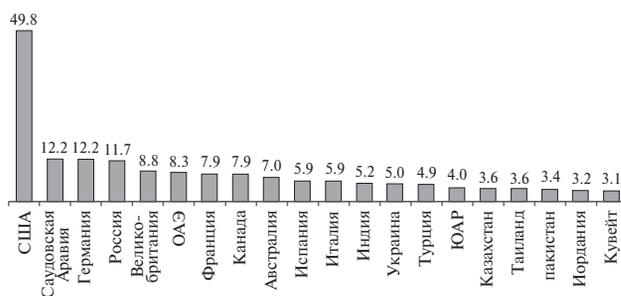

Рис. 5. Страны с наибольшим числом иммигрантов (млн человек), проживающих на их территории, 2017 г.

Составлено по: [21, р. 6].

ние глобализации [22, с. 289] в развивающихся ареалах. Регионализация компенсирует и подправляет территориальную асимметрию глобализации в предшествующий период, выступает слагаемым более крупного тренда. Этот процесс зачастую носит *открытый* характер, обуславливаемый во многом отсутствием должной охраны внешних границ интегрируемых стран.

Регионализация способствует лучшему размещению в ареалах Юга трудовых ресурсов и адаптации их экономик к асимметричным шокам. В то же время превращение развивающихся государств в центры притяжения населения несет им серьезные проблемы. Массовые потоки беженцев на эти территории ложатся тяжким бременем на их социальную инфраструктуру и увеличивают антропогенную нагрузку. Поскольку в составе мигрантов, передвигающихся между странами Юга, велика доля малообразованных, вступающих в конкуренцию с огромной армией таких же местных работников, последствия иммиграции на рынке труда там могут быть гораздо острее, чем на Севере. Указанные обстоятельства диктуют необходимость осуществления принимающими государствами иммиграционного контроля и социально-экономической интеграции приезжих, формируют настоятельную потребность в региональных механизмах миграционного регулирования [23].

РАЗНООБРАЗИЕ И ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Начало третьего тысячелетия отмечено глубокими изменениями в структуре миграционных потоков и составе населения иностранного происхождения, а также в характере перемещений.

Расширяющаяся в условиях глобализации география людских потоков и усиливающаяся диверсификация их маршрутов по странам исхода и назначения влекут за собой нарастание пестроты жителей принимающих территорий по государствам происхождения, лингвистическим, этническим и конфессиональным принадлежностям. Так, в Ирландии, согласно переписи населения в 2016 г., проживали уроженцы более 190 стран и территорий мира [3, р. V].

Как верно подметил немецкий культуролог С. Вертовек, этот процесс ведет к возникновению “трансформирующего сверхразнообразия”, вызывающего изменения в экономических и социально-политических конфигурациях и отношениях [24, р. 1025]. С укрупнением миграционных потоков в развивающиеся страны, многие из которых прежде находились на обочине глобализации, в них

также начинается свойственное этому процессу умножение разнообразия населения. Эта перемена при пестрой мозаике культур проживающих там народов способствует усилению этнополитических антагонизмов, угрожая острыми социальными конфликтами, и требует политики социокультурной инкорпорации приезжих.

Кроме того, прибавляется гетерогенность приезжих по основаниям въезда, социально-экономическому положению, правовому статусу и т.п. Так, если в 50–60-е годы потоки в европейские страны были представлены главным образом жителями их бывших колоний и неквалифицированными гастарбайтерами, а в 70–80-е годы – членами семей поселенцев, то с начала 90-х годов с возобновлением массового приема трудовых мигрантов – их весьма диверсифицировавшимися категориями. В современных передвижениях повышается роль более образованных контингентов, особенно высококвалифицированных специалистов и студентов. Заметны и такие группы работников, как прикомандированные, домашние, совмещающие отдых с работой. Кроме того, в середине 10-х годов произошел резкий всплеск вынужденных и нелегальных перемещений, обусловленный ростом конфликтности и материальной депривации на Ближнем и Среднем Востоке, а также в странах Африки, и отозвавшийся, как отмечалось, острым миграционным кризисом в Европе. И хотя этот процесс утихает и число прошений о предоставлении убежища, поданных в 2017 г., уменьшилось примерно вдвое по сравнению с 2015–2016 гг., – при росте внутривосточной нестабильности и международной напряженности, а также резких изменениях климата – можно ожидать новых волн стихийных перемещений.

При этом еще в начале тысячелетия существовавшая тогда под эгидой ООН Глобальная комиссия по международной миграции отмечала, что мигранты, особенно высококвалифицированные, все большее предпочтение отдают краткосрочным поездкам и “старая парадигма поселения постоянных мигрантов замещается временной и циркуляционной миграцией” [25, р. 31]. Например, совокупный приток в ЕС постоянных мигрантов, даже став обильнее, чем в пик рецессии, так и не достиг докризисного уровня. В 2015 г. он был ниже на 10% отметки 2007 г. И это несмотря на полуторакратный прирост численности гуманитарных мигрантов, принятых в 2015 г. в ЕС на ПМЖ, по сравнению с 2007 г. В ОЭСР в среднем эти показатели составляли соответственно 3 и 65% [рассчитано по: 26, pp. 17, 30].

Современные передвижения приобретают все более пластичный и подвижный характер, который нередко стали называть теку-

чим (*liquid*), или переменчивым. Этот процесс особенно заметен в развитых зонах, в первую очередь в ЕС, расширение которого благоприятствовало формированию новых когорт мобильных граждан. Подобная же тенденция просматривается в потоках в Союз из третьих стран. Краткосрочные миграционные потоки, серьезно пострадавшие от глобальной рецессии, по мере оживления экономики в целом ряде стран ОЭСР уже не только вышли на докризисные рубежи, но и преодолели их⁴. Приток временных мигрантов в США в 2015 г. вырос на 27% по сравнению с 2007 г. (тогда как приток постоянных — остался ниже уровня восьмилетней давности), в Австралии — на 48% (второй показатель вырос на 18% соответственно) [рассчитано по: 26, р. 250]. В обеих странах временные мигранты численно преобладали над постоянными.

Кроме того, интенсивно повышается немиграционная подвижность населения, отражающая растущую привлекательность более мобильного образа жизни. Одним из индикаторов этого процесса служит динамика числа въездов трансграничных туристов (лица, которые прибывают в другую страну менее чем на 12 месяцев для занятия неоплачиваемой деятельностью). За 1995–2015 гг. этот показатель более чем удвоился — с 525 млн до 1.2 млрд [27]. О колоссальных масштабах нынешних людских перемещений, давших основание назвать наше время “эрой беспрецедентной мобильности людей” [8, р. 2], весьма красноречиво свидетельствуют данные о пассажирообороте ведущих аэропортов мира, публикуемые Международным советом аэропортов. Так, в 2016 г. только аэропорт Хартсфилд-Джексон в Атланте (США) обслужил 104 млн пассажиров, еще у 12 аэропортов этот показатель превышал 60 млн [28].

На фоне разнотемпной динамики разных типов мобильности все более распространенным становится повторное, челночное (шатловое) движение между странами происхождения и назначения или между разными странами ради работы и получения образования. Более того, как подчеркивает британский исследователь Р. Кинг, подвергается эрозии сложившаяся в 50–90-е годы схема миграции. Прежняя парадигма укладывалась в бинарные системы координат: поселение — временная миграция, долгосрочная — краткосрочная миграция, родной дом — заграница и т.п. Теперь она раз-

мывается формированием менее привычных, более гибких и сложных, зачастую гибридных паттернов сменяющихся миграционных статусов и траекторий перемещения, непостоянного поселения при наличии второго жилья и вида на жительство за границей и т.п.

С распространением подобных передвижений (таких как короткие, в том числе маятниковые, переезды и непродолжительное пребывание, связанные с профессиональной деятельностью, длительные туристические путешествия и т.п.) затухает и разграничение между миграцией, с одной стороны, и прочими чаще фиксируемыми видами территориальной мобильности людей, с другой [1, р. 94]. Примером могут служить заграничные командировки известных врачей для однодневных консультаций и операций. Пограничный с мобильностью характер носит и переезд обеспеченных пенсионеров в страны с благоприятным климатом и меньшей стоимостью жизни. Такое передвижение — из Северной Европы в Южную, из разных частей света — в Юго-Восточную Азию и т.п. — носит ступенчатый характер. Этот процесс предполагает сначала краткосрочные ознакомительные туристические путешествия, затем отдых во время отпуска, потом покупку квартиры или дома как второго жилья и более длительное проживание в течение целого, обычно зимнего, сезона и в итоге — полупостоянное поселение (или постоянное переселение) лиц, уходящих на пенсию.

Растущая популярность временных и производных от них форм передвижений между развитыми странами ведет к распространению там феномена так называемой длительной темпоральности (временности). Он особенно характерен для тех европейских государств, иммиграция в которые имеет уже давнюю историю со времен послевоенного импорта рабочей силы и приема жителей бывших колоний (ФРГ, Франция, Великобритания, Швейцария и др.): там понижается доля приезжих старожилов и повышается удельный вес “новоселов”. Однако европейским странам недавней иммиграции (Италия, Испания, Греция, Португалия), начавшим принимать крупные контингенты рабочей силы только в 70–80-е годы, еще предстоит вступить на этот путь: в названных государствах пока увеличивается доля приезжих с большим стажем проживания (табл. 2).

Концепт текучей, или переменчивой, миграции (*liquid migration*) [2] был предложен в 2010 г. голландским социологом Г. Энгберсеном применительно к передвижениям из новых членов ЕС в страны его старого состава, однако в дальнейшем он получил более широкое распространение, в том числе и касательно миграции между Мексикой и США. Формированию

⁴ В 2015 г. по сравнению с 2007 г. число въезжающих в США (на сельскохозяйственные работы) сезонных работников выросло в 2 раза, в Новую Зеландию — на 43%, Канаду — на 41%; в Корею лиц, совмещающих работу с отдыхом, — в 4.5 раза; прикомандированных работников, перемещающихся между странами ЕС, — на 80% [26, pp. 14, 21, 25].

Таблица 2. Распределение населения, родившегося за границей, по времени проживания в стране назначения, 2000–2001 гг.¹ и 2012–2013 гг.², %

	Менее 5 лет		5–9 лет		10 лет и более	
	2000–2001	2012–2013	2000–2001	2012–2013	2000–2001	2012–2013
Австралия	13.6	17.6	8.9	11.9	77.5	70.5
Бельгия	18.6	24.9	12.9	19.1	68.5	56.0
Великобритания	17.0	26.4	12.9	24.9	70.2	48.7
Германия	3.5	12.1	16.8	10.0	79.7	78.0
Греция	53.8	13.4	35.1	19.5	11.1	67.0
Дания	23.1	32.3	17.7	17.1	59.2	50.5
Испания	40.1	13.2	10.6	36.1	49.3	50.8
Италия	37.8	14.2	27.8	28.4	734.46	57.4
Канада	14.8	14.6	15.2	13.5	70.0	71.8
Норвегия	30.2	38.1	14.1	17.3	55.8	44.6
Португалия	13.3	8.8	15.1	13.4	71.6	77.8
США	20.1	11.3	12.9	14.1	8.63.79	74.7
Финляндия	12.6	32.2	36.9	17.4	50.5	50.4
Франция	8.1	10.9	9.2	12.6	82.7	76.5
Швейцария	23.1	26.0	14.4	14.8	62.4	59.1
Швеция	17.3	21.3	14.8	18.1	68.0	60.6

¹ Население старше 15 лет.

² Население 15–64 лет.

Составлено по: [29, pp. 96–984; 30, p. 59].

этого феномена способствуют облегчающие и удешевляющие ремиграцию и репатриацию открытые границы, становление более гибких рынков труда и более свободных семейных отношений, удешевление средств транспорта и коммуникации, а также распространение культуры и языка (типа лингва франка) общения людей с разными культурными и лингвистическими принадлежностями.

Происхождение этого термина связано с работами З. Баумана, посвященными “текучей современности” (*Liquid Modernity*, 1999), “текучей жизни” (*Liquid life*, 2005) и др. Британский ученый такими метафорами характеризует эпоху постмодерна с присущими ей ростом неопределенности в жизни индивида и общества в целом, освобождением от обязательств и границ и переходом к состоянию непрерывных перетеканий и перемещений.

Подобная неопределенность свойственна и миграции. Она выражается в отсутствии у людей, вовлеченных в перемещения, четкой миграционной стратегии или в так называемом габитусе преднамеренной непредсказуемости (*intentional unpredictability*) [31, p. 35]. Последний возникает в ответ на постоянно изменяющееся социальное окружение, затрудняющее выбор места жительства, образа жизни, карьеры, супруга и друзей [32, p. 55].

Расплывчатость текущей миграции тесно связана с отсутствием явных признаков ее окончания, ее незавершенностью (*incomplete*

migration) [31, p. 35; 32, p. 53]. Такую миграцию описывают как бытие и здесь, и там, как жизнь в детерризованном (не привязанном к конкретной территории) транснациональном пространстве, позволяющем людям находиться одновременно в разных национальных, культурных и т.п. измерениях. Еще в конце прошлого века было подмечено, что миграция не носит характера однонаправленного движения. В процессе трансграничных передвижений люди зачастую не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, связей с родиной, с родственниками и друзьями, проживающими в других странах, и не ассимилируются полностью в новый социум. Усваивая правила труда и быта, элементы культуры разных стран проживания, они приобретают множественные национальные, культурные и т.п. референции и выстраивают гибридные идентичности, которые затем претерпевают метаморфозы у потомков мигрантов [33]. Это еще сильнее расцветивает палитру разнообразия, привносимого иммиграцией. При этом немалая часть мигрантов не стремятся пустить корни в странах назначения, не аффилируются с какой-либо одной из них, так и оставаясь странниками, космополитичными номадами, ориентирующимися на транснациональные каноны профессиональной деятельности и повседневной жизни. В отношении “текучих” мигрантов не работают ни ассимиляционная, ни мультикультуралистская модели интеграции, рассчитанные на поселенцев. Это требует от принимающих государств

пересмотра традиционных подходов к социокультурной инкорпорации приезжих, поиска моделей, сочетающих принципы гражданской интеграции и интеркультурализма.

* * *

Подверженность миграции резким, зачастую непрогнозируемым перепадам, изменчивость ее форм, несовершенство и неполнота статистических данных, регулярные пересмотры Отделом народонаселения ООН прежних оценок численности мигрантов осложняют характеристику происходящего и прогнозирование будущего. Более того, они побуждают рассматривать миграцию, следуя известному афоризму российского писателя и представителя “науки граждан” М. Задорнова, как процесс, у которого не только будущее, но даже и прошлое непредсказуемы. Эти же обстоятельства подвигают воздерживаться от окончательных, категоричных выводов и говорить скорее о тенденциях, действующих на поле перемещений населения. Тем не менее, рассматривая сдвиги в этой области, можно выделить несколько несущих конструкций новой модели, формирующейся в глобальном миграционном пространстве.

Территориальная мобильность населения в целом повышается, однако этот процесс носит разноскоростной характер. На фоне заметного усиления немиграционной подвижности людей слабеют потоки долгосрочных мигрантов, замедляется рост их численности, что указывает на снижение классической миграционной активности. Привлекательный для жителей Юга Север все плотнее закрывается от них. А для тех, кто имеет возможность свободно или почти

свободно перемещаться по ареалам с близкими условиями труда и жизни, предпочтительнее не классическая долгосрочная миграция с перспективой постоянного поселения, а циркуляционные передвижения, не привязывающие их к определенной стране. Вероятно, в новой модели миграции роль ее поселенческих форм будет убывать.

Миграция приобретает все более текучий, незавершенный характер. С распространением временных и циркуляционных перемещений, происходящих в первую очередь в развитых регионах, особенно в ЕС, возникают пограничные и гибридные формы передвижений, сочетающие элементы краткосрочной и долгосрочной миграции, миграционной и немиграционной мобильности. Нарастает разнообразие мигрантов и населения в целом принимающих стран. Развитие этих процессов требует совершенствования миграционной статистики, налаживания учета краткосрочных, циркуляционных и прочих категорий “текучих” мигрантов, а также пересмотра интеграционной политики.

Складывается новая география миграции, характеризующаяся сдвигом людских потоков на глобальный Юг и их регионализацией, тяготением к интеграционным платформам. Регионализация передвижений на Юге диктует необходимость не только разработки и осуществления развивающимися государствами иммиграционной и интеграционной политики, но и развития субглобальных механизмов регулирования таких потоков. Более того, формирование новой модели миграции требует конструирования адекватной этой модели архитектуры глобального управления перемещениями населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. King R. Towards a New Map of European Migration. *International Journal of Population Geography*, 2002, no. 8(2), pp. 89-106.
2. Engbersen G., Snel E., Boom J. “A Van Full of Poles”: Liquid Migration from Central and Eastern Europe. *A Continent Moving West? EU Enlargement and Labour Migration from Central and Eastern Europe*. Black R., Engbersen G., Okylski M., Panțoru C., eds. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 115-140.
3. *World Migration Report 2018*. Geneva, IOM, 2017. 347 p.
4. Glossary on Migration. *International Migration Law*, 2011, no. 25. 114 p.
5. *Handbook on Measuring International Migration through Population Censuses*. UN, DESA, SD, 2017. 145 p. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/48th-session/documents/BG-4a-Migration-Handbook-E.pdf> (accessed 17.03.2018).
6. Cohen J. and Sirkeci I. *Cultures of Migration. The Global Nature of Contemporary Mobility*. Austin, University of Texas Press, 2011. 179 p.
7. Castles S., Haas H., Miller M. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Houndmills, Palgrave Macmillan, 2014. 420 p.
8. *World Migration Report 2015*. Geneva, IOM, 2015. 202 p.
9. *Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision*. UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017.
10. Czaika M., Haas H. The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory? *International Migration Review*, 2014, no. 2, pp. 283-323.

11. King R. Theories and Typologies of Migration: An Overview and a Primer. *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations*, 2012, no. 3. 43 p. Available at: <https://www.mah.se/upload/Forskningscentrum/MIM/WB/WB%203.12.pdf> (accessed 01.04.2018).
12. Abel G. Estimates of Global Bilateral Migration Flows by Gender Between 1960 and 2015. *Vienna Institute of Demography Working papers*, 2016, no. 2. 43 p. Available at: https://www.oeaw.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/Working_Papers/WP2016_02.pdf (accessed 01.04.2018).
13. *World Population Prospects: The 2017 Revision*. UN, DESA, PD, 2017. Available at: <https://esa.un.org/unpd/wpp> (accessed 02.04.2018).
14. The World Counted 258 million International Migrants in 2017. *Population Facts*, 2017, no. 5, pp. 1-4.
15. Parkes R. Global Migration: Getting the Trends Right. *Security Monthly Stats*, 2017, no. 2, pp. 1-3.
16. Connor P. *International Migration: Key Findings from the U.S., Europe and the World*. December 15, 2016. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/15/international-migration-key-findings-from-the-u-s-europe-and-the-world> (accessed 15.03.2018).
17. *People on the Move: Global Migration's Impact and Opportunity*. McKinsey Global Institute, 2016. 124 p. Available at: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/global-migrations-impact-and-opportunity> (accessed 12.03.2018).
18. *International Migration Report 2017*. UN, 2017 (ST/ESA/SER.A/403). 30 p.
19. *Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь*. Москва, ИЦ ЕЛИМА, 2006. 1160 с. [Globalistics Interdisciplinary Encyclopedic Dictionary. Moscow, ITs ELIMA, 2006. 1160 p. (In Russ.)]
20. *Connecting with Emigrants: A Global Profile of Diasporas 2015*. Paris, OECD, 2015. 456 p.
21. *International Migration Report 2017: Highlights*. UN, 2017 (ST/ESA/SER.A/404). 31 p.
22. Дынкин А.А., ред. *Мир 2035. Глобальный прогноз*. Москва, Магистр, 2017. 352 с. [Dykin A.A., ed. *Mir 2035. Global'nyi prognoz* [World in 2035. Global Forecast]. Moscow, Magistr, 2017. 352 p.]
23. Цапенко И.П. Регионализация миграционных процессов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, № 10(4), сс. 70-85. [Tsapenko I.P. Regionalizatsiya migratsionnykh protsessov [Regionalization of Migration]. *Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2017, no. 10(4), pp. 70-85.]
24. Vertovec S. Super-diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies*, 2007, no. 30(6), pp. 1024-1054.
25. *Migration in an Interconnected World: New Directions for Action*. Global Commission on International Migration, 2005. 98 p. Available at: https://www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/GCIM_Report_Complete.pdf (accessed 01.04.2018).
26. *International Migration Outlook 2017*. Paris, OECD, 2017. 361 p.
27. *The World Bank Data. International Tourism, Number of Arrivals*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/st.int.arvl> (accessed 01.04.2018).
28. *20 крупнейших аэропортов мира в 2017-м году. 18 декабря 2017*. [The 20 Largest Airports in the World in 2017. 18 December 2017 (In Russ.)] Available at: <https://planet-guide.com/20-largest-airports-in-the-world-2017-year> (accessed 01.04.2018).
29. *A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century: Data from OECD Countries*. Paris, OECD, 2008. 198 p.
30. *Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In*. Paris, OECD, 2015. 344 p.
31. Engbersen G., Snel E. Liquid Migration: Dynamic and Fluid Patterns of Post-accession Migration Flows. *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*. Glorius B., Grabowska-Lusinska I., Kuvik A., eds. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2013, pp. 21-40.
32. Grabowska-Lusinska I. Anatomy of Post-accession Migration: How to Measure 'Liquidity' and Other Patterns of Post-accession Migration Flows. *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*. Glorius B., Grabowska-Lusinska I., Kuvik A., eds. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2013, pp. 41-64.
33. Цапенко И.П., Монусова Г.А. Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 4, сс. 90-105. [Tsapenko I.P., Monusova G.A. Integratsionnyi potentsial etnokul'turnogo raznoobraziya v evropeiskikh sotsiumakh [Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 4, pp. 90-105.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.07>

TRANSFORMATIONS OF GLOBAL MIGRATION OF POPULATION
(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 8, pp. 65-76)

Received 02.04.2018.

Irina P. TSAPENKO (tsapenko@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Sharp and unpredictable shifts in population movements, imperfection and incompleteness of international migration statistics, regular revisions by the UN Population Division of previous estimates of the international migrant stock complicate assessing the current state and forecasting future developments in this field. Nevertheless, there are obvious changes in geography, dynamics, composition and forms of modern migration occurring in the context of the polycentric and, at the same time, transnational and increasingly interconnected world entering the period of globalization reformatting, economic turbulence and uncertainty, the growth of socio-political conflict, the establishment of postmodern social values and attitudes. These shifts outline the contours of a new model emerging in the global migration space. The territorial mobility of people is growing in the whole, but this process is multi-speed. The non-migration mobility is increasing noticeably. However, modern flows of long-term migrants are weakening, and the growth in their number is slowing. This indicates a decrease in migration activity. The role of settlement is likely to decline in the new migration paradigm. Migration is becoming increasingly fluid and incomplete. With the spread of temporary and circular movements occurring generally in developed regions, in the EU in particular, frontier and hybrid patterns of movements arise. They combine elements of short-term and long-term migration and those of non-migration mobility. The diversity of migrants and receiving population is growing. The development of these processes requires an improvement of migration statistics, as well as reforming the integration policies. A new geography of migration is being construed. It is characterized by the shift of human flows to the global South and their regionalization on the basis of integration platforms. The regionalization of movements in the South requires working-out and implementation of immigration and integration policies by developing States and the development of sub-global mechanisms for regulating human flows as well. Moreover, the architecture design of the global population movements' governance should be adjusted to the emerging migration model.

Keywords: migration of population, territorial mobility, settlement, circulation of human flows, long-term and short-term migrants, globalization, regionalization, diversity of foreign borne population, fluidity of human flows, integration of migrants.

About author:

Irina P. TSAPENKO, Doctor of Economics, Head of Section.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76